

«Саратовский дневник» 1897, 9 октября, № 218

с. 2.

«Мужики» А. Чехова передъ судомъ своихъ читателей и критиковъ.

«Мужики» А. Чехова при появлении своемъ въ «Р. М.» надѣлали много шума. У одной части читателей и критиковъ они вызвали восторженное одобрение, у другой — суровое порицание. Одобрившіе провозгласили «Мужиковъ» лучшей вещью, вышедшей изъ подъ пера талантливаго писателя, произведеніемъ выдающимся, а суровые критики назвали «Мужиковъ» вещью слабою.

Впечатлѣніе отъ «Мужиковъ» теперь нѣсколько улеглось, и, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Саратовѣ, въ общій вѣщахъ искусствъ, оцѣнка этого произведенія производилась безъ особенной горячности. Это хорошо, потому что спокойное сужденіе болѣе приближается къ справедливому. Впрочемъ, отсутствіе страстности во вчерашнихъ бесѣдахъ объясняется скорѣе трогательнымъ единодушіемъ, которое можно было наблюдать между одобрявшими и порицавшими. Никто не искался въ положительномъ смыслѣ о «Мужикахъ», кромѣ одного оратора, который, признавъ произведеніе это выдающимся, все же упрекнулъ его въ излишней объективности и желалъ усилить нѣтъ ли специалистовъ о нашемъ народѣ, чтобы окончательно выставить полный баллъ за поведеніе какъ г. Чехову, такъ и русскому народу. Мрачности Чеховскихъ картинъ онъ противопоставлялъ свѣтлыя явленія, смѣшныя Рубакиныя, а оче-

видно, склонялся въ пользу послѣднихъ. Словомъ, и этотъ единственный ораторъ, признавшій произведеніе выдающимся, наговорилъ о немъ столько, что оно вышло какъ бы и невыдающимся.

Итакъ, споры большіе потому и не было, что всѣ имѣли въ запасѣ значительное количество упрековъ. Упреки сводятся вотъ къ чему. По какому праву Чеховъ своимъ маленькую бытовую картинку озаглавилъ общимъ именемъ «Мужиковъ». Зачѣмъ онъ рисуетъ только мрачныя, отрицательныя стороны деревенской жизни? Развѣ не видѣ такіе мужики, такіе бабы и пр.? Почему онъ противопоставляетъ грязь и дикость деревни лакейской цивилизаціи въ лицѣ Николая? Не говоритъ ли онъ этимъ, что лакейская цивилизація лучше, а если говорить, то не дѣлаетъ ли этимъ непротѣлимой ошибки, вызывающей заслуженный упрекъ? Не поэтому ли и вызываетъ это произведеніе массу упрековъ, и оставляетъ въ читателѣ неудовлетворенное чувство, что авторъ слишкомъ субъективенъ, что онъ къ своей мѣрѣ «Мужиковъ» подгоняетъ изображенныя имъ типы?

Вотъ собственно все, что высказано было по поводу «Мужиковъ». Вина вата, одинъ изъ ораторовъ, говорившій почти въ концѣ преній, познакомилъ публику съ совершенно новымъ взглядомъ на произведеніе Чехова: авторъ не отъ себя назвалъ свою картинку «Мужиками», это заглавіе показываетъ отношеніе лакея Николая къ деревнѣ. При такомъ объяс-

неніи, конечно, должно бы падать обвиненіе въ томъ, что авторъ позволилъ себѣ широкое обобщеніе изъ представленныхъ имъ наблюденій, — и это, пожалуй, разрѣшало бы вопросъ, если бы объясненіе г. оратора не являлось слишкомъ произвольнымъ и смѣлымъ.

Итакъ, какое впечатлѣніе можетъ вынести сторонній слушатель объ оцѣнкѣ «Мужиковъ», произведенной 3-го окт. въ общій вѣщахъ искусствъ? Несомнѣнно, что упрека Чеховъ заслуживаетъ во всякомъ случаѣ, то потому, что субъективенъ, то потому, что объективенъ, то потому, что не говоритъ въ своей картинкѣ ничего новаго, то потому, что его обобщеніе слишкомъ ново: не всѣ мужики такіе, не всегда бабы вѣлы и пр.

Грѣшный человѣкъ, многіе изъ этихъ упрековъ производятъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто я читаю критическіе отзывы 30-хъ годовъ, когда указывалось авторамъ, что бы они должны были изобразить, чтобы понравиться критикѣ; но какое намъ дѣло, что думалъ самъ г. Чеховъ о мужикахъ, развѣ этого онъ намъ не говорить, да и зачѣмъ намъ это знать? Передъ нами произведеніе, о которомъ мы должны говорить, не заглядывая въ душу писателя. Можетъ быть онъ относится презрительно къ мужику и хочетъ сказать, что даже лакейская цивилизація смягчаетъ нравы, и лакей, привыкшій по роду службъ чесаться и умываться ежедневно,

с. 2.

тѣмъ самымъ уже становится выше? А можетъ быть, расоя неприглядныя стороны деревенской жизни, онъ хочетъ сказать: „смотри какъ живутъ мужики!“ Но вѣдь они люди, наши братья и могли бы и жить, и быть лучше. Кто виноватъ въ этомъ мракѣ, въ этомъ ужасѣ, которымъ наполнена жизнь мужика? Рѣшайте сами, и принесите въ деревню не только привычку умываться, научите плакать не падъ „аше“ и „дондежа“, а надъ хорошими славками, научите ихъ добруму. Кто знаетъ, что хотѣлъ оказать авторъ? Важно, что онъ будитъ мысль, оживляетъ, что онъ безтрепетно снимаетъ ореолъ съ мужика, чтобъ показывать, какъ убога, жалка его жизнь и какъ несчастенъ онъ въ своей жизни. Вотъ эту то черту страданія критики, такъ обидѣвшіеся за „грязнаго“, „дикаго“ мужика и упустили, мнѣ кажется, изъ виду, когда говорили объ общественномъ значеніи этого произведенія. Развѣ счастливъ пьяный Кирынь, бывшій свою жену Марью, развѣ всѣ они довольны своей судьбой? Вѣчная нужда, вѣчная битва за завтрашній день не оставляетъ времени развиваться на досугѣ инымъ отрешеніямъ. И несомненно, что не смотря на всѣ свѣтлые новыя тѣны, выводы, напримѣръ, Рубакинныя, на всѣхъ астрономовъ и физиковъ изъ мужиковъ, такъ живутъ въ Россіи мужики, и помнить объ этомъ всегда слѣдуетъ. И напоминать объ этомъ, напоминать въ ученыхъ изволѣдова-

віяхъ, въ публицистическихъ статьяхъ, въ живущихъ, въ литературѣ, на сценѣ, есть гражданскій долгъ всякаго мыслителя и художника. какъ развѣ тотъ долгъ, о которомъ говоритъ А. Чеховъ въ другомъ своемъ произведеніи—„Чайкъ“. Что же въ такомъ случаѣ представляютъ изъ себя „Мужики“, если не согласиться со всеми дѣлаемыми автору упреками? Прежде всего это произведение вполне реалистическое, и, какъ таковое, рисуетъ неприкрашенную, ужасную въ своемъ убожествѣ дѣйствительность. Такія семьи, такіе отношения, такой укладъ всей деревенской жизни—все это типично, все это общее, и, наоборотъ астрономы Рубакина и „новый“ видъ мужика, читающаго газету—это не болѣе какъ нѣбось только развитіе въ будущемъ эмпіонъ. И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли уповать на быстрое развитіе мужика, когда по остроумному (хотя и м. б. и нѣсколько преувеличенному) возношенію г. Гарина—Махайловскаго только черезъ 100 лѣтъ наши мужики могутъ быть грамотны. Ну а что такое грамотность? Вѣдь и она только эмпіонъ... Не знаю, можетъ быть очень смѣло со стороны скромнаго невѣдомаго человѣка высказать слѣдующую мысль, но я рѣшаюсь утверждать, что никакіе „новые мужики и астрономы“ Рубакина не вымываютъ такого критическаго отношенія по всему укладу нашей жизни, не пробуждаютъ въ душѣ такой злой скорби о долѣ „ладра на-

шей государственной и общественной жизни“ (русское крестьянство), какъ такіа произведенія какъ „Мужики“ Чехова. Передъ такой правдой нельзя не задуматься. Что же это такое? И такъ живутъ люди? Вѣдь это жестоко и несправедливо! Что же одѣлать, какъ измѣнить весь этотъ ужасъ, что принести тула? И вотъ тогда начинается у читателя работа мысли и совѣсти... Это то и нужно, въ этомъ и значеніе такого произведенія. Пусть оно если не разрушитъ, то поколеблетъ наши овѣтныя упованія, пусть мы почувствуемъ, что почва ускользаетъ изъ подъ нашихъ ногъ,—но если наши упованія были химеричны, будемъ искать новаго, будемъ изволѣдовать, перерабатывать міросозерцаніе, будемъ стремиться дѣлать только то, что безспорно, хотя-бы и пришлось принаяться за исполненіе этого дѣла съ другого конца.

Конечно, грустно констатировать свои заблужденія. Въ самомъ дѣлѣ, мы только что начали думать, что астрономы, какъ грибы, растутъ въ крестьянствѣ, что на сегодня завтра съ помощью туманныхъ картинъ, лекцій для народа, народныхъ театровъ, школъ и библиотекъ, нашихъ мужикъ, опрокидывая на практикѣ для себя весь историческій ходъ развитія мужика западной Европы, въ семимильныхъ сапогахъ быстро догоняетъ до прогресса, и вдругъ говорятъ, что ему для этого надо прежде научиться.... умываться.

По поводу „Мужиковъ“ можно сказать и написать ужасно много.

Какъ всякое выдающееся произведение, а я его считаю таковымъ безусловно, оно наталкиваетъ на массу вопросовъ. Здѣсь нѣ хотѣлось бы только еще указать на одно характерное обстоятельство,—не въ защиту г. Чехова отъ упрековъ,—по моему, онъ въ этомъ не нуждается, а именно напомнить о томъ, какъ встрѣчена была „Власть тьмы“ Д. Толстого.

Большое сходство можно наблюдать въ приѣмѣ этихъ двухъ произведеній критиками. И тамъ были восторги съ одной стороны и негодованія съ другой. Развѣ такова деревня?—восклицала погудующіе. Затѣмъ онъ рисуетъ только мрачныя стороны? и пр. Однако слѣдуетъ ли изъ этого, что Д. Толстой имѣлъ пристрастенъ и долже подогнать въ своему представленію о мужикахъ данныя изъ тѣмъ? Чехова же какъ

разъ и въ этомъ упрекала, хотя его картинка во всякомъ случаѣ менѣе исключительна, чѣмъ исторія преступленія во „Власти тьмы“.

„Власть тьмы“ прогнали въ концѣ концовъ Д. Толстому частію за положительный тѣтъ Ахима, частію по давности времени. Можетъ быть, въ свое время и Чехову простятъ его „Мужиковъ“, хотя въ его произведеніи и не нѣтъ положительнаго тѣпа.

Е. С.